84Р6
Г14

Аркадий Гайдар

Р. В. С.

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1936г.

Р. В. С. [2-е издание 1936]

Аркадий Петрович Гайдар

Аннотация
Аркадий Гайдар. Р. В. С.
1
2
3

Аннотация

В основу произведения положены наблюдения автора на Украине в 1919 году.

Аркадий Гайдар
Р. В. С.

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1936

1

Раньше сюда иногда забегали ребятишки за тем, чтобы побегать и полазить между осевшими и полуразрушенными сараями. Здесь было хорошо.

Когда-то немцы, захватившие Украину, свозили сюда сено и солому. Но немцев прогнали красные, красных — гайдамаки, гайдамаков — петлюровцы, петлюровцев еще кто-то. И осталось лежать сено почерневшими и полусгнившими грудами.

А с тех пор, когда атаман Криволоб, тот самый, у которого желто-голубая лента тянулась через всю папаху, расстрелял здесь четырех москалей и одного украинца, пропала у ребятишек всякая охота лазить и прятаться по заманчивым лабиринтам. И остались стоять черные сараи, молчаливые, заброшенные.

Только Димка забегал сюда часто, потому что здесь как-то особенно тепло грело солнце, приятно пахла горько-сладкая полынь и спокойно жужжали шмели над яркокрасными головками широко раскинувшихся лопухов.

А убитые?.. Так ведь их давно уже нет! Их свалили в общую яму и забросали землей. А старый нищий Авдей, тот, которого боится Топ и прочие маленькие ребятишки, смастерил из двух палок крепкий крест и поставил его тихонько над могилой. Никто не видел, а Димка видел. Видел, но не сказал никому.

В укромном углу Димка остановился и внимательно осмотрелся вокруг. Не заметив ничего подозрительного, он порылся в соломе и извлек оттуда две обоймы патронов, шомпол от винтовки и заржавленный австрийский штык без ножен.

Сначала Димка изображал разведчика, то есть ползал на коленях, а в критические минуты, когда имел основание предполагать, что неприятель близок, ложился на землю и, продвигаясь дальше с величайшей осторожностью, высматривал подробно его расположение. По счастливой случайности или еще почему-то, только сегодня ему везло. Он ухитрялся безнаказанно подбираться почти вплотную к воображаемым вражьим постам. И преследуемый градом выстрелов из ружей, из пулеметов, а иногда даже из батарей, возвращался невредимым в свой стан.

Потом, сообразуясь с результатами разведки,

высылал в дело конницу и с визгом врубался в самую гущу репейников и чертополохов, которые геройски умирали, не желая, даже под столь бурным натиском, обращаться в бегство.

Димка ценит мужество и потому забирает остатки в плен. Затем, скомандовав «стройся» и «смирно», он обращается к захваченным с гневной речью:

— Против кого идете? Против своего брата рабочего и крестьянина? Генералы вам нужны да адмиралы…

Или:

— Коммунию захотели? Свободы захотели? Против законной власти…

Это, в зависимости от того, командира какой армии в данном случае изображал он, так как командовал то одной, то другой по очереди.

Он так заигрался сегодня, что спохватился только тогда, когда зазвякали колокольчики возвращающегося стада. «Елки-палки, — подумал он. — Вот теперь мать задаст трепку, а то и жрать, пожалуй, не оставит». И, спрятав свое оружие, он стремительно пустился домой, раздумывая на бегу, что бы соврать такое получше.

Но, к величайшему удивлению, нагоняя он не получил, и врать ему не пришлось.

Мать почти не обратила на него внимания, несмотря на то, что Димка чуть не столкнулся с ней у крыльца. Бабка звенела ключами, вынимая зачем-то старый пиджак и штаны из чулана. Топ старательно копал щепкой ямку в куче глины.

Кто-то тихонько дернул сзади Димку за штанину. Обернулся — и увидел печально посматривающего мохнатого Шмеля.

— Ты что, дурак? — ласково спросил он и вдруг заметил, что у собачонки рассечена чем-то губа.

— Мам! Кто это? — гневно спросил Димка.

— Ах, отстань! — досадливо ответила та, отворачиваясь. — Что я присматривалась, что ли?

Но Димка почувствовал, что она говорит неправду.

— Это дядя сапогом двинул, — пояснил Топ.

— Какой еще дядя?

— Дядя… серый… он у нас в хате сидит.

Выругавши «серого дядю», Димка отворил дверь. На кровати он увидел валявшегося в солдатской гимнастерке здорового детину. Рядом на лавке лежала казенная серая шинель.

— Головень! — удивился Димка. — Ты откуда?

— Оттуда, — последовал короткий ответ.

— Ты зачем Шмеля ударил?

— Какого еще Шмеля?

— Собаку мою…

— Пусть не гавкает. А то я ей и вовсе башку сверну.

— Чтоб тебе самому кто-нибудь свернул, — с сердцем ответил Димка и шмыгнул за печку, потому что рука Головня потянулась к валявшемуся тяжелому сапогу.

Он никак не мог понять, откуда взялся Головень. Еще только недавно забрали его красные в солдаты, а теперь он уже опять дома. Не может быть, чтоб служба у них была такая короткая.

За ужином он не вытерпел и спросил:

— Ты в отпуск приехал?

— В отпуск.

— Вон что! Надолго?

— Надолго.

— Ты врешь, Головень! — убежденно сказал Димка. — Ни у красных, ни у белых, ни у зеленых надолго сейчас не отпускают, потому что сейчас война. Ты дезертир, наверно.

В следующую же секунду Димка получил здоровый удар по шее.

— Зачем ребенка бьешь? — вступилась Димкина мать. — Нашел с кем связываться.

Головень покраснел еще больше, его круглая голова с оттопыренными ушами (за которую он и

получил кличку) закачалась, и он ответил грубо:

— Помалкивайте-ка лучше… Питерские пролетарии… Дождетесь, что я вас из дома повыгоню.

После этого мать как-то съежилась, осела и выругала глотавшего слезы Димку.

— А ты не суйся, идол, куда не надо, а то еще и не так попадет.

После ужина Димка забился к себе в сени, улегся на груду соломы за ящиками, укрылся материной поддевкой и долго лежал, не засыпая. Потом к нему тихонько пробрался Шмель и положил голову на плечо.

— Уедем, мам, в Питер, к батьке.

— Эх, Димка! Да я бы хоть сейчас… Да разве проедешь теперь? Пропуски разные нужны, а потом и так — кругом вон что делается.

— В Питере, мам, какие?

— Кто их знает! Говорят, что красные. А может врут. Разве теперь разберешь?

Димка согласился, что разобрать трудно. Уж на что близко волостное село, а и то не поймешь, чье оно. Говорили, что занимал его на-днях Козолуп… А что за Козолуп, какой он партии?

И он спросил у задумавшейся матери:

— Мам, а Козолуп зеленый?

— А пропади они все вместе взятые! — с серд-

цем ответила та. — Все были люди, как люди, а теперь поди-ка…

В сенцах темно. Сквозь распахнутую дверь виднеется густо пересыпанное звездами небо и краешек светлого месяца. Димка зарывается глубже, приготавливаясь видеть продолжение интересного, но недосмотренного вчера сна. Засыпая, он чувствует, как приятно греет шею прикорнувший к нему верный Шмель.

В синем небе облака серебрятся краями от солнца.

Широко по полям желтыми хлебами играет ветер. И лазурно спокоен летний день. Неспокойны только люди. Где-то за темным лесом протрещали раскатисто пулеметы. Где-то за краем перекликнулись глухо орудия. И куда-то промчался легкий кавалерийский отряд.

— Мам, с кем это?

— Отстань!

Отстал Димка, побежал к забору, взобрался на одну из жердей и долго смотрел вслед исчезающим всадникам.

— Вот где жить-то!

Между тем Головень ходил злой. Каждый раз, когда через деревеньку проходил красный отряд, он скрывался где-то. И Димка понял, что Головень

— дезертир.

Как-то бабка послала Димку отнести Головню на сеновал кусок сала и ломоть хлеба. Подбираясь к укромному логову, он заметил, что Головень, сидя к нему спиной, мастерит что-то. «Винтовка! — удивился Димка. — Вот так штука. На что она ему?»

Головень тщательно протер затвор, заткнул ствол тряпкой и запрятал винтовку в сено.

Весь вечер и несколько следующих дней Димку разбирало любопытство посмотреть, что за винтовка: «Русская либо немецкая? А может, там и наган есть?»

Как раз в это время утихло все кругом. Прогнали красные Козолупа и ушли дальше на какой-то фронт. Тихо и безлюдно стало в маленькой деревушке, и Головень начал покидать сеновал и исчезать где-то подолгу. И вот как-то под вечер, когда лягушиными песнями зазвенел порозовевший пруд, когда гибкие ласточки заскользили по воздуху и когда бестолково зажужжала мошкара, решил Димка пробраться на сеновал.

Дверца была заперта на замок, но у Димки был свой ход — через курятник. Заскрипела отодвигаемая доска, громко заклокотали потревоженные куры. Испугавшись произведенного шума, Димка

быстро юркнул наверх. На сеновале было душно и тихо. Пробрался в угол, где валялась красная подушка в перьях, и, принявшись шарить под крышей, наткнулся на что-то твердое. «Приклад!» Прислушался: на дворе — никого. Потянул и вытащил всю винтовку. Нагана не было. Винтовка оказалась русской. Димка долго вертел ее, осторожно ощупывая и осматривая. «А что, если открыть затвор?»

Сам он никогда не открывал, но часто видел, как это делают солдаты. Потянул тихонько — рукоятка вверх поддается. Отодвинул на себя до отказа. «Умею!» горделиво подумал он, но тут же заметил под затвором вынырнувший откуда-то желтоватый патрон. Это его немного озадачило, и он решил закрыть снова. Теперь пошло туже, и Димка заметил, что желтый патрон движется прямо в ствол. Он остановился в нерешительности, отодвинувши от себя винтовку.

«И куда лезет, чорт!»

Однако надо было торопиться. Он закрыл и начал потихоньку толкать ружье на место. Запрятал почти все, как вдруг распахнулась дверь, и прямо перед Димкой очутилось удивленное и рассерженное лицо Головня.

— Ты что, собака, здесь делаешь?

— Ничего! — испуганно ответил Димка. — Я спал… — И незаметно двинул ногой в сено приклад винтовки. В тот же момент грохнул глухой, но сильный выстрел. Димка чуть не сшиб Головня с лестницы, бросился сверху прямо на землю и пустился через огороды. Перескочив через плетень возле дороги, он оступился в канаву, и когда вскочил, то почувствовал, как рассвирепевший Головень вцепился ему в рубаху.

«Убьет! — подумал Димка. — Ни мамки, никого — конец теперь». И, получив сильный тычок в спину, от которого черная полоса поползла по глазам, он упал на землю, приготовившись получить еще и еще.

Но… отчего-то застучала дорога. Почему-то ослабла рука Головня. И кто-то крикнул гневно и повелительно:

— Не сметь!

Открыв глаза, Димка увидел сначала лошадиные ноги — целые заборы лошадиных ног.

Кто-то сильными руками поднял его за плечи и поставил на землю. Только теперь рассмотрел он окружавших его кавалеристов и всадника в черном костюме с красной звездой на груди, перед которым растерянно стоял Головень.

— Не сметь! — повторил незнакомец и, взгля-

нув на заплаканное лицо Димки, добавил: — Не плачь, мальчуган, и не бойся. Больше он не тронет ни сейчас, ни после. — Кивнул одному головой и с отрядом умчался вперед.

Отстал один и спросил строго:

— Ты кто такой?

— Здешний, — хмуро ответил Головень.

— Почему не в армии?

— Год не вышел.

— Фамилию… На обратном пути проверим. — Ударил шпорами кавалерист, и прыгнула лошадь с места галопом.

И остался на дороге недоумевающий и не опомнившийся еще Димка. Посмотрел назад — нет никого. Посмотрел по сторонам — нет Головня. Посмотрел вперед и увидел, как чернеет точками и мчится, исчезая у закатистого горизонта, красный отряд.

2

Высохли на глазах слезы. Утихала понемногу боль. Но итти домой Димка боялся и решил обождать до ночи, когда улягутся все спать. Направился к речке. У берегов под кустами вода была темная и спокойная, посередке отсвечивала розоватым блеском и тихонько играла, перекатываясь через мелкое каменистое дно.

На том берегу, возле опушки никольского леса, заблестел тускло огонек костра. Почему-то он показался Димке очень далеким и заманчиво загадочным. «Кто бы это? — подумал он. — Пастухи разве?.. А может, и бандиты! Ужин варят, картошку с салом или еще что-нибудь такое…» Ему здорово хотелось есть, и он пожалел искренне о том, что он не бандит тоже.

В сумерках огонек разгорался все ярче и ярче, приветливо мигая издалека мальчугану. Но еще глубже хмурился, темнел в сумерках беспокойный никольский лес.

Спускаясь по тропке, Димка вдруг остановился, услышав что-то интересное. За поворотом, у берега, кто-то пел высоким переливающимся альтом,

как-то странно, хотя и красиво, разбивая слова:

Та-ваа-рищи, тава-рищи, —
Сказал он им в ответ, —
Да здра-вству-ит Ра-сия,
Да здра-вству-ит Совет!

«А чтоб тебе! Вот наяривает!» с восхищением подумал Димка и бегом пустился вниз.

На берегу он увидал небольшого худенького мальчишку, валявшегося возле затасканной сумки. Заслышав шаги, тот оборвал песню и с опаской посмотрел на Димку.

— Ты чего?

— Ничего… Так!

— А-а! — протянул тот, повидимому удовлетворенный ответом. — Драться, значит, не будешь?

— Чего-о?

— Драться, говорю… А то смотри! Я даром что маленький, а так отошью…

Димка вовсе и не собирался драться и спросил в свою очередь:

— Это ты пел?

— Я.

— А ты кто?

— Я — Жиган, — горделиво ответил тот. — Жиган из города… Прозвище у меня такое.

С размаху бросившись на землю, Димка заметил, как мальчишка испуганно отодвинулся.

— Барахло ты, а не жиган… Разве такие жиганы бывают?.. А вот песни поешь здорово.

— Я, брат, всякие знаю. На станциях по эшелонам завсегда пел. Все равно хоть красным, хоть петлюровцам, хоть кому… Ежели товарищам, скажем, тогда «Алеша-ша» либо про буржуев. Белым, так тут надо другое: «Раньше были денежки, были и бумажки», «Погибла Расея́», ну, а потом «Яблочко» — его, конечно, на обе стороны петь можно, слова только переставлять надо.

Помолчали.

— А ты зачем сюда пришел?

— Крестная у меня тут, бабка Онуфриха. Я думал хоть с месяц отожраться. Куды там! Чтоб, говорит, тебя через неделю, через две здесь не было!

— А потом куда?

— Куда-нибудь. Где лучше.

— А где?

— Где? Кабы знать, тогда что! Найти надо.

— Приходи утром на речку, Жиган. Раков по норьям ловить будем!

— Не соврешь? Обязательно приду! — весьма довольный ответил тот.

Перескочив плетень, Димка пробрался на тем-

ный двор и заметил сидящую на крыльце мать. Он подошел к ней и, потянувши за платок, сказал серьезно:

— Ты, мам, не ругайся… Я нарочно долго не шел, потому Головень меня здорово избил.

— Мало тебе! — ответила она, оборачиваясь. — Не так бы надо…

Но Димка слышит в ее словах и обиду, и горечь, и сожаление, но только не гнев.

Шмель поднял голову, насторожил уши и заворчал предостерегающе и сердито.

— Мам, — говорит он, заглядывая ей в лицо, — я есть хочу, как собака. И неужто ты мне ничего не оставила?

Пришел как-то на речку скучный-скучный Димка.

— Убежим, Жиган! — предложил он. — Закатимся куда-нибудь подальше отсюда, право!

— А тебя мать пустит?

— Ты дурак, Жиган! Когда убегают, то ни у кого не спрашивают. Головень злой, дерется. Из-за меня мамку и Топа гонит.

— Какого Топа?

— Братишку маленького. Топает он чудно, когда ходит, ну вот и прозвали. Да и так надоело все. Ну что дома?

— Убежим! — оживленно заговорил Жиган. — Мне что не бежать? Я хоть сейчас. По эшелонам собирать будем.

— Как собирать?

— А так: спою я что-нибудь, а потом скажу: «Всем товарищам нижайшее почтенье, чтобы был вам не фронт, а одно развлеченье. Получать хлеба по два фунта, табаку по осьмушке, не попа-

даться на дороге ни пулемету, ни пушке». Тут как начнут смеяться, снять шапку в сей же момент и сказать: «Граждане! Будьте добры, оплатите детский труд».

Димка подивился легкости и уверенности, с какой Жиган выбрасывал эти фразы, но такой способ существования ему не особенно понравился, и он сказал, что гораздо лучше бы вступить добровольцами в какой-нибудь отряд, организовать собственный или уйти в партизаны. Жиган не возражал, и даже, наоборот, когда Димка благосклонно отозвался о красных, «потому что они за революцию», выяснилось, что Жиган служил уже у красных.

Димка посмотрел на него с удивлением и добавил, что ничего и у зеленых, «потому что гусей они едят много». Дополнительно тут же выяснилось, что Жиган бывал также у зеленых и регулярно получал свою порцию, по полгуся в день.

Димка проникся к нему уважением и сказал, что лучше всего, пожалуй, все-таки у коричневых. Но едва и тут начало что-то выясняться, Димка обругал Жигана хвастуном и треплом, ибо всякому было хорошо известно, что коричневый — один из тех немногих цветов, под которыми не

собирались отряды ни у революции, ни у контрреволюции, ни у всех, кто между ними.

План побега разрабатывали долго и тщательно. Предложение Жигана утечь сейчас же, не заходя даже домой, было решительно отвергнуто.

— Перво-наперво хлеба надо хоть для начала захватить, — заявил Димка. — А то как из дома, так и по соседям. А потом спичек…

— Котелок бы хорошо. Картошки в поле нарыл — вот тебе и обед!

Димка вспомнил, что Головень принес с собой крепкий медный котелок. Бабка начистила его золой и, когда он заблестел, как праздничный самовар, спрятала в чулан.

— Заперто только, а ключ с собой носит.

— Ничего! — заявил Жиган. — Из-под всякого запора при случае можно, повадка только нужна.

Решили теперь же начать запасать провизию. Прятать Димка предложил в солому у сараев.

— Зачем у сараев? — возразил Жиган. — Можно еще куда-либо… А то рядом с мертвыми!

— А тебе что мертвые? — насмешливо спросил Димка.

В этот же день Димка притащил небольшой ломоть сала, а Жиган — тщательно завернутые в

бумажку три спички.

— Нельзя помногу, — пояснил он. — У Онуфрихи всего две коробки, так надо, чтоб незаметно.

И с этой минуты побег был решен окончательно.

А везде беспокойно бурлила жизнь. Где-то недалеко проходил большой фронт. Еще ближе несколько второстепенных, поменьше. А кругом красноармейцы гонялись за бандами, или банды за красноармейцами, или атаманы клочились меж собой. Крепок был атаман Козолуп. У него морщина поперек упрямого лба залегла изломом, а глаза из-под седоватых бровей посматривали тяжело. Угрюмый атаман! Хитер, как чорт, атаман Левка. У него и конь смеется, оскаливая белые зубы, так же как и он сам. Жох атаман! Но с тех пор, как отбился он из-под начала Козолупа, сначала глухая, а потом и открытая вражда пошла между ними.

Написал Козолуп приказ поселянам: «Не давать Левке ни сала для людей, ни сена для коней, ни хат для ночлега».

Засмеялся Левка, написал другой.

Прочитали красные оба приказа. Написали третий:

«Объявить Левку и Козолупа вне закона» — и

все. А много им расписывать было некогда, потому что здорово гнулся у них главный фронт.

И пошло тут что-то такое, чего и не разберешь. Уж на что дед Захарий! На трех войнах был. А и то, когда садился на завалинке возле рыжей собачонки, которой пьяный петлюровец шашкой ухо отрубил, говорил:

— Ну и времечко!

Приехали сегодня зеленые, человек с двадцать. Заходили двое к Головню. Гоготали и пили чашками мутный и крепкий самогон.

Димка смотрел с любопытством из калитки.

Когда Головень ушел, Димка, давно хотевший узнать вкус самогонки, слил остатки из чашек в одну.

— Ди-мка, мне! — плаксиво захныкал Топ.

— Оставлю, оставлю!

Но едва он опрокинул чашку в рот, как, отчаянно отплевываясь, вылетел на двор.

Возле сараев он застал Жигана.

— А я, брат, штуку знаю.

— Какую?

— У нас за хатой зеленые яму через дорогу роют, а чорт ее знает зачем. Должно, чтоб никто не ездил.

— Как же можно не ездить? — с сомнением

возразил Димка. — Тут не так что-то. И зеленые торчат и яму роют... Не иначе, как что-нибудь затевается.

Пошли осматривать свои запасы. Их было еще немного: два куска сала, кусок вареного мяса и с десяток спичек.

В тот вечер солнце огромным красноватым кругом повисло над горизонтом у надеждинских полей и заходило понемногу, не торопясь, точно любуясь широким покоем отдыхающей земли.

Далеко, в Ольховке, приткнувшейся к опушке никольского леса, ударил несколько раз колокол. Но не тревожным набатом, а так просто, мягко-мягко. И когда густые, дрожащие звуки мимо соломенных крыш дошли до уха старого деда Захария, подивился он немного давно не слыханному спокойному звону и, перекрестившись неторопливо, крепко сел на свое место, возле покривившегося крылечка. А когда сел, тогда подумал: «Какой же это праздник завтра будет?» И так прикидывал и этак — ничего не выходит. Потому престольный в Ольховке уже прошел, а спасу еще рано. И спросил Захарий, постучавши палкой в окошко, у выглянувшей оттуда старухи:

— Горпина, а Горпина, или у нас завтра воскре-

сенье будет?

— Что ты, старый! — недовольно ответила перепачканная в муке Горпина. — Разве же после среды воскресенье бывает?

— О то ж и я так думаю…

И усомнился дед Захарий, не напрасно ли он крест на голову положил и не худой ли какой это звон.

Набежал ветерок, колыхнул чуть седую бороду. И увидел дед Захарий, как высунулись чего-то любопытные бабы из окошек, выкатились ребятишки из-за ворот, а с поля донесся какой-то протяжный, странный звук, как будто заревел бык либо корова в стаде, только еще резче и дольше.

Уо-уу-ууу…

А потом вдруг как хряснуло по воздуху, как забухали подле поскотины выстрелы… Захлопнулись разом окошки, исчезли с улиц ребятишки. И не мог только встать и сдвинуться напуганный старик, пока не закричала на него Горпина:

— Ты тюпайся швидче, старый дурак! Или ты не видишь, что такое начинается?

А в это время у Димки колотилось сердце такими же неровными, как выстрелы, ударами, и хотелось ему выбежать на улицу узнать, что там

такое. Было ему страшно, потому что побледнела мать и сказала не своим, тихим, голосом:

— Ляг… ляг на пол, Димушка. Господи, только бы из орудиев не начали.

У Топа глаза сделались большие-большие, и он застыл на полу, приткнувши голову к ножке стола. Но лежать ему было неудобно, и он сказал плаксиво:

— Мам, я не хочу на полу, я на печку лучше.

— Лежи, лежи! Вот придет гайдамак… он тебе!

В эту минуту что-то особенно здорово грохнуло, так что зазвенели стекла окошек, и показалось Димке, что дрогнула земля. «Бомбы бросают!» подумал он и услышал, как мимо потемневших окон с топотом и криками пронеслось несколько человек.

Все стихло. Прошло еще с полчаса. Кто-то застучал в сенцах, изругался, наткнувшись на пустое ведро. Распахнулась дверь, и в хату вошел вооруженный Головень.

Он был чем-то сильно разозлен, потому что, выпивши залпом ковш воды, оттолкнул сердито винтовку в угол и сказал с нескрываемой досадой:

— Ах, чтоб ему!..

. . . . . .

Утром встретились ребята рано.

— Жиган! — спросил Димка. — Ты не знаешь, отчего вчера… С кем это?

У Жигана юркие глаза блеснули самодовольно. И он ответил важно:

— О, брат! Было у нас вчера дело…

— Ты не ври только! Я ведь видел, как ты сразу тоже за огороды припустился.

— А почем ты знаешь? Может, я кругом! — обиделся Жиган.

Димка сильно усомнился и в этом, но перебивать не стал.

— Машина вчера езжала, а ей в Ольховке починка была. Она только оттуда, а Гаврила-дьякон в колокол: бум!.. — сигнал, значит.

— Ну?

— Ну вот и ну… Подъехала к деревне, а по ней из ружей. Она было назад, глядь — ограда уже заперта.

— И поймали кого?

— Нет… Оттуда такую стрельбу подняли, что и не подступиться… А потом видят — дело плохо, и врассыпную… Тут их и постреляли. А один убег. Бомбу бросил ря-адышком, у Онуфрихиной хаты все стекла полопались. По нем из ружей кроют, за ним гонятся, а он через плетень, через ограды,

да и утек.

— А машина?

— Машина и сейчас тут… только негодная, потому что, как убегать, один гранатой запустил. Всю искарежил… Я уж бегал… Федька Марьин допрежь меня еще поспел. Гудок стащил. Нажмешь резину, а он как завоет!

Весь день только и было разговоров, что о вчерашнем происшествии. Зеленые ускакали еще ночью. И осталась снова без власти маленькая деревушка.

Между тем приготовления к побегу подходили к концу.

Оставалось теперь стащить котелок, что и решено было сделать завтра вечером при помощи длинной палки с насаженным гвоздем через маленькое окошко, выходящее в огород.

Жиган пошел обедать. Димке не сиделось, и он отправился ожидать его к сараям.

Завалился было сразу на солому и начал баловаться, защищаясь от яростно атакующего его Шмеля, но вскоре привстал, немного встревоженный. Ему показалось, что снопы разбросаны как-то не так, не по-обыкновенному. «Неужли из ребят кто-нибудь лазил? Вот черти!» И он подошел, чтобы проверить, не открыл ли кто место,

где спрятана провизия. Пошарил рукой — нет, тут! Вытащил сало, спички, хлеб. Полез за мясом — нет!

— Ах, черти! — изругался он. — Это не иначе, как Жиган сожрал. Если бы кто из ребят, так тот уж все сразу бы.

Вскоре показался и Жиган. Он только что пообедал, а потому был в самом хорошем настроении и подходил, беспечно насвистывая.

— Ты мясо ел? — спросил Димка, уставившись на него сердито.

— Ел! — ответил тот. — Вку-усно…

— Вкусно! — напустился на него разозленный Димка. — А тебе кто позволил? А где такой уговор был? А на дорогу что?.. Вот я тебя тресну по башке, тогда будет вкусно!..

Жиган опешил.

— Так это же я дома за обедом. Онуфриха раздобрилась, кусок из щей вынула, здоро-овый!

— А отсюда кто взял?

— И не знаю вовсе.

— Побожись.

— Ей-богу. Вот чтоб мне провалиться сей же секунд, ежели брал.

Но потому ли, что Жиган не провалился «сей же секунд», или потому, что отрицал обвинение

с необыкновенной горячностью, только Димка решил, что в виде исключения на этот раз он не врет. И, глазами скользнув на солому, он позвал Шмеля, протягивая руку к хворостине:

— Шмель, а ну поди сюда, дрянь ты этакий! Поди сюда, собачий сын!

Но Шмель не любил, когда с ним так разговаривали. И, бросив теребить жгут, опустив хвост, он сразу же направился в сторону.

— Он сожрал, — с негодованием подтвердил Жиган. — Чтоб ему лопнуть было. И кусок-то какой жи-ирный.

Перепрятали все повыше, заложили доской и привалили кирпич.

Потом лежали долго, рисуя заманчивые картины будущей жизни.

— В лесу ночевать возле костра… хорошо!

— Темно ночью только, — с сожалением заметил Жиган.

— А что темно? У нас ружья будут, мы и сами…

— Вот, если поубивают, — начал опять тот и добавил серьезно: — Я, брат, не люблю, чтоб меня убивали.

— Я тоже, — сознался Димка. — А то что в ямето… вон как эти, — и он кивнул головой туда, где покривившийся крест чуть-чуть вырисовывался

из-за густых сумерек.

При этом напоминании Жиган съежился и почувствовал, что в вечернем воздухе вроде как бы стало прохладней. Но, желая показаться молодцом, он ответил равнодушно:

— Да, брат… А у нас была один раз штука…

И оборвался, потому что Шмель, улегшийся под боком Димки, поднял голову, насторожил почему-то уши и заворчал предостерегающе и сердито.

— Ты что? Что ты, Шмелик? — с тревогой спросил его Димка и погладил по голове.

Шмель замолчал и снова положил голову между лап.

— Крысу чует, — шопотом проговорил Жиган и, притворно зевнув, добавил: — Домой надо итти, Димка.

— Сейчас. А какая у вас была штука?

Но Жигану стало уже не до штуки, и кроме того то, что он собирался соврать, вылетело у него из головы.

— Пойдем, — согласился Димка, обрадовавшийся, что Жиган не вздумал продолжать рассказ.

Встали. Шмель поднялся тоже, но не пошел сразу, а остановился возле соломы и заворчал тревожно снова, как будто дразнил его кто из

темноты.

— Крыс чует! — повторил теперь Димка.

— Крыс? — каким-то упавшим голосом ответил Жиган. — А только почему же это он раньше их не чуял?

И добавил негромко:

— Холодно что-то. Давай побежим, Димка!

— А большевик тот, что убег, где-либо подле деревни недалеко.

— Откуда ты знаешь?

— Так, думаю! Посылала меня сейчас Онуфриха к Горпине, чтобы взять взаймы полчашки соли. А у нее в тот день рубаха с плетня пропала. Я пришел, слышу из сенец ругается кто-то: «...И бросил, — говорит, — какой-то рубаху под жерди. Пес его знает, или собак резал! Мы ж с Егорихой смотрим: она порвана, и кабы немного, а то вся как есть». А дед Захарий слушал-слушал да и говорит: «О, Горпина...»

Тут Жиган многозначительно остановился, посматривая на Димку, и, только когда тот нетерпеливо занукал, начал снова.

— А дед Захарий и говорит: «О, Горпина, ты спрячь лучше язык подальше». Тут я вошел в хату. Гляжу, а на лавке рубашка лежит, порванная и вся в крови. И как увидала меня, села на нее Гор-

пина сей же секунд и велит: «Подай ему, старый, с полчашки», а сама не поднимается. А мне что, я и так видел. Так вот, думаю, это большевика пулей подшибло.

Помолчали, обдумывая неожиданно подслушанную новость. У одного глаза прищурились, уставившись неподвижно и серьезно. У другого забегали и заблестели юрко. И сказал Димка:

— Вот что, Жиган, молчи лучше и ты. Много и так поубивали красных у нас возле деревни, и все поодиночке.

Назавтра утром был назначен побег. Весь день провел Димка сам не свой. Разбил нечаянно чашку, наступил на хвост Шмелю и чуть не вышиб кринку кислого молока из рук входящей бабки, за что и получил здоровую оплеуху от Головня.

А время шло. Час за часом прошел полдень, обед, наступил вечер.

Спрятались в огороде, за бузиной у плетня, и стали выжидать.

Засели они рановато, и долго еще через двор проходили то один, то другой. Наконец пришел Головень, позвала Топа мать. И прокричала с крыльца:

— Димка! Диму-ушка! Где ты, паршивец, делся?

«Ужинать!» решил он, но откликнуться, конечно, и не подумал. Мать постояла-постояла и ушла.

Подождали. Крадучись вышли. Возле стенки чулана остановились. Окошко было высоко. Димка согнулся, упершись руками в колени. Жиган забрался к нему на спину и осторожно просунулся.

— Скорей ты. У меня спина не каменная.

— Темно очень, — шопотом ответил Жиган. С трудом зацепив котелок, он потащил его к себе и спрыгнул.

— Есть!

— Жиган, — спросил Димка, — а колбасу где ты взял?

— Там висела ря-адышком. Бежим скорей!

Проворно юркнули в сторону, но за плетнем вспомнили, что забыли палку с крюком у стенки. Димка назад. Схватил и вдруг увидел, что в дыру плетня просунул голову и любопытно смотрит на него Топ.

Димка, с палкой и с колбасой, так растерялся, что опомнился только тогда, когда Топ спросил его:

— Ты зачем койбасу стащил?

— Это не стащил, Топ. Это надо, — поспешно ответил Димка. — Воробушков кормить. Ты лю-

бишь, Топ, воробушков? Чирик-чирик!.. Ты не говори только. Не скажешь? Я тебе гвоздь завтра дам хоро-оший!

— Воробушков? — серьезно спросил Топ.

— Да-да! Вот ей-богу!.. У них нет… Бе-едные!

— И гвоздь дашь?

— И гвоздь дам… Ты не скажешь, Топ? А то не дам гвоздя и с Шмелькой играть не дам.

И получив обещание молчать (но про себя усомнившись в этом сильно), Димка помчался к нетерпеливо ожидавшему Жигану.

Сумерки наступали торопливо, и, когда они добежали до сараев, чтобы спрятать котелок и злополучную колбасу, было уже темно.

— Прячь скорей!

— Давай! — И Жиган полез в щель, под крышу.

— Димка! Тут темно, — тревожно ответил он. — Я не найду ничего…

— А, дурной, врешь ты, что не найдешь! Испугался уж!

Полез сам. В потемках нащупал руку Жигана и почувствовал, что она дрожит.

— Ты чего? — спросил он, ощущая, что страх начинает передаваться и ему.

— Там… — и Жиган крепче ухватился за Димку.

И Димка ясно услыхал доносящийся из темной глубины сарая тяжелый, сдавленный стон.

В следующую же секунду, с криком скатившись вниз, не различая ни дороги, ни ям, ни тропинок, оба в ужасе неслись прочь.

3

В эту ночь долго не мог заснуть Димка. Понемногу в голове у него начали складываться кое-какие предположения: «Крысы… Кто съел мясо?.. Рубашка, стон… А что, если?..»

Он долго ворочался и никак не мог отделаться от одной навязчиво повторявшейся мысли.

Утром он был уже у сараев. Отвалил солому и забрался в дыру. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь многочисленные щели, прорезали полутьму пустого сарая. Передние подпорки там, где должны были быть ворота, обвалились, и крыша осела, наглухо завалив вход. «Где-то тут», подумал Димка и пополз. Завернул за груду рассыпавшихся необожженных кирпичей и остановился, испугавшись. В углу, на соломе, вниз лицом лежал человек. Заслышав шорох, он чуть поднял голову и протянул руку к валявшемуся нагану. Но потому ли, что изменили ему силы, или еще почему-либо, только, всмотревшись воспаленными, мутными глазами, разжал он пальцы от рукоятки револьвера и, приподнявшись, проговорил хрипло, с трудом ворочая языком:

— Пить!

Димка сделал шаг вперед. Блеснула звездочка с белым венком, и Димка едва не крикнул от удивления, узнав в раненом когда-то вырвавшего его у Головня незнакомца.

Пропали все страхи, все сомнения, осталось только чувство жалости к человеку, когда-то так горячо заступившемуся за него.

Схватив котелок, Димка помчался за водой на речку. Возвращаясь бегом, он едва не столкнулся с Марьиным Федькой, помогавшим матери тащить мокрое белье. Димка поспешно шмыгнул в кусты и видел оттуда, как Федька замедлил шаг и, любопытствуя, поворачивал голову в его сторону. И если бы мать, заметившая, как сразу потяжелела корзина, не крикнула сердито: «Да неси ж, дьяволенок, чего ты завихлялся?» — то Федька, конечно, не утерпел бы проверить, кто это спрятался столь поспешно в кустах.

Вернувшись, Димка увидел, что незнакомец лежит, закрыв глаза, и шевелит слегка губами, точно разговаривая с кем во сне. Димка тронул его за плечо, и, когда тот, открыв глаза, увидел перед собой стоящего мальчугана, что-то в роде слабой улыбки обозначилось на его пересохших губах. Напившись, уже ясней и внятней незнако-

мец спросил:

— Красные далеко?

— Далеко. И не слыхать вовсе.

— А в городе?

— Петлюровцы, кажись…

Поник головой раненый и спросил у Димки:

— Мальчик, ты никому не скажешь?

И было в этой фразе столько тревоги, что вспыхнул Димка и принялся уверять, что не скажет.

— Жигану разве!

— Это с которым вы бежать собирались?

— Да, — смутившись, ответил Димка. — Вот и он, кажется. Засвистел соловей раскатистыми трелями. Это Жиган разыскивал и дивился, куда это пропал его товарищ.

Высунувшись из дыры, но не желая кричать, Димка запустил в него легонько камешком.

— Ты чего? — спросил Жиган.

— Тише! лезь сюда… Надо.

— Так ты позвал бы, а то на-ко… камнем! Ты б еще кирпичом запустил.

Спустились оба в дыру. Увидев перед собой незнакомца и темный револьвер на соломе, Жиган остановился, оробев.

Незнакомец открыл глаза и спросил просто:

— Ну что, мальчуганы?

— Это вот Жиган! — И Димка тихонько подтолкнул его вперед.

Незнакомец ничего не ответил и только чуть наклонил голову.

Из своих запасов Димка притащил ломоть хлеба и вчерашнюю колбасу.

Раненый был голоден, но сначала ел мало и больше всего тянул воду.

Жиган и Димка сидели почти все время молча.

Пуля зеленых прохватила человеку ногу; кроме того три дня у него не было ни глотка воды во рту, и измучился он сильно.

Закусив, он почувствовал себя лучше, глаза его заблестели.

— Мальчуганы! — сказал он уже совсем ясно. И по голосу только теперь Димка еще раз узнал в нем незнакомца, крикнувшего Головню: «Не сметь!» — Вы славные ребятишки... Я часто слушал, как вы разговаривали... Но если вы проболтаетесь, то меня убьют...

— Не должны бы! — неуверенно вставил Жиган.

— Как, дурак, не должны бы? — разозлился Димка. — Ты говори: нет, да и все... Да вы его не слушайте, — чуть ли не со слезами обратился он к незнакомцу. — Ей-богу, не скажем! Вот прова-

литься мне, все обещаю… вздую…

Но Жиган сообразил и сам, что сболтнул он что-то несуразное, и ответил извиняющимся тоном:

— Да я, Дим, и сам… что не должны значит… ни в коем случае.

И Димка увидел, как незнакомец улыбнулся еще раз.

За обедом Топ сидел-сидел, да и выпалил:

— Давай, Димка, гвоздь, а то я мамке скажу, что ты койбасу воробушкам таскал.

Димка едва не подавился куском картошки и громко зашумел табуреткой. К счастью, Головня не было, мать доставала похлебку из печки, а бабка была туговата на ухо. И Димка проговорил шопотом, подталкивая Топа ногой:

— Дай пообедаю, у меня уже припасен.

«Чтоб тебе неладно было, — думал он, вставая из-за стола. — Потянуло же за язык».

После некоторых поисков выдернул он в сарае из стены здоровенный железный гвоздь и отнес Топу.

— Большой больно, Димка! — ответил Топ, удивленно поглядывая на толстый и неуклюжий гвоздь.

— Что большой? Вот оно и хорошо, Топ. А чего маленький: заколотишь сразу — и все. А тут долго

сидеть можно: тук, тук!.. Хороший гвоздь!

Вечером Жиган нашел у Онуфрихи кусок чистого холста для повязки. А Димка, захватив из своих запасов кусок сала побольше, решился раздобыть иоду.

Отец Перламутрий в одном подряснике и без сапог лежал на кушетке и с огорчением думал о пришедших в упадок делах из-за церкви, сгоревшей от снаряда еще в прошлом году. Но, полежав немного, он вспомнил о скором приближении храмового праздника и неотделимых от него благодеяниях. И образы поросятины, кружков масла и стройных сметанных кринок дали, повидимому, другое направление его мыслям, потому что отец Перламутрий откашлялся солидно и подумал о чем-то, улыбаясь.

Блеснула звездочка с белым венком, и Димка

едва не крикнул, узнав незнакомца.

Вошел Димка и, спрятав кусок сала за спину, проговорил негромко:

— Здравствуйте, батюшка.

Отец Перламутрий вздохнул, перевел взгляд на Димку и спросил, не поднимаясь:

— Ты что, чадо, ко мне или к попадье?

— К ней, батюшка.

— Гм… А поелику она в отлучке, я пока за нее.

— Мамка прислала. Повредилась немного, так поди, говорит, не даст ли попадья малость иоду. И пузырек вот прислала махонький.

— Пузырек… Гм… — с сомнением кашлянул отец Перламутрий. — Пузырек что?.. А что ты, хлопец, руки назади держишь?

— Сала тут кусок. Говорила мать, если нальет, отдай в благодарность…

— Если нальет?

— Ей-богу, так и сказала.

— Охо-хо, — проговорил отец Перламутрий, поднимаясь. — Нет, чтобы просто прислать, а вот: «если нальет»… — И он покачал головой. — Ну, давай, что ли, сало… Старое!

— Так нового еще ж не кололи, батюшка.

— Знаю и сам, да можно бы пожирнее… хоть и старое. Пузырек где?.. Что это мать тебе целую

четверть не дала? Разве ж возможно полный?

— Да в нем, батюшка, два наперстка всего. Куда же меньше?

Батюшка постоял, немного раздумывая.

— Ты скажи-ка, пусть лучше мать сама придет. Я прямо сам ей и смажу. А наливать… к чему же?

Но Димка отчаянно замотал головой.

— Гм… Что ты головой мотаешь?

— Да вы, батюшка, наливайте, — поспешно заговорил Димка, — а то мамка наказывала: «Как если не будут давать, бери, Димка, сало и тащи назад».

— А ты скажи ей: «Дарствующий да не печется о даре своем, ибо будет пред лицом всевышнего дар сей всуе». Запомнишь?

— Запомню!.. А вы все-таки наливайте, батюшка.

Отец Перламутрий надел на босу ногу туфли — причем Димка подивился их необычайным размерам — и, прихватив сало, ушел с пузырьком в другую комнату.

— На вот, — проговорил он, выходя. — Только от доброты своей… — И спросил, подумав: —А у вас куры несутся, хлопец?

— От доброты! — разозлился Димка. — Меньше половины… — И на повторный вопрос, выходя из

двери, ответил серьезно: — У нас, батюшка, кур нету, одни петухи только.

Между тем о красных не было слуху, и мальчуганам приходилось быть на-чеку.

И все же часто они пробирались к сараям и подолгу проводили время возле Незнакомца.

Он охотно болтал с ними, рассказывал и шутил даже. Только иногда, особенно когда заходила речь о фронтах, глубокая складка залегала возле бровей, он замолкал и долго думал о чем-то.

— Ну что, мальчуганы, не слыхать, как там?..

«Там» — это на фронте. Но слухи в деревне ходили смутные, разноречивые.

И хмурился и нервничал тогда Незнакомец. И видно было, что больше, чем ежеминутная опасность, больше, чем страх за свою участь, тяготили его незнание, бездействие и неопределенность.

Привязались к нему оба мальчугана. Особенно Димка. Как-то раз, оставив дома плачущую мать, пришел он к сараям печальный, мрачный.

— Головень бьет… — пояснил он. — Из-за меня мамку гонит, Топа тоже… Уехать бы к батьке в Питер… Но никак.

— Почему никак?

— Не проедешь: пропуски разные. Да билеты, где их выхлопочешь? А без них нельзя.

Подумал Незнакомец и сказал:

— Если бы были красные, я бы тебе достал пропуск, Димка.

— Ты?! — удивился тот. И после некоторого колебания спросил то, что давно его занимало: — А ты кто?.. Я знаю: ты пулеметный начальник, потому тот раз возле тебя солдат был с «льюисом».

Засмеялся Незнакомец и кивнул головой так, что можно было понять — и да и нет.

И с тех пор Димка еще больше захотел, чтобы скорее пришли красные. А неприятностей у него набиралось все больше и больше. Безжалостный Топ, уже пятый раз требовал по гвоздю и, несмотря на то, что получал их, все-таки проболтался матери. Затем в кармане штанов мать разыскала остатки махорки, которую Димка таскал для раненого. Но самое худшее надвинулось только сегодня. По случаю праздника за доброхотными даяниями завернул в хату отец Перламутрий. Между разговорами он вставил, обращаясь к матери:

— А сало все-таки старое. Так ты бы с десяточек яиц за лекарство дополнительно…

— За какое еще лекарство?

Димка заерзал беспокойно на стуле и съежился под устремленными на него взглядами.

— Я, мама… собачке, Шмелику… — неуверенно ответил он. — У него ссадина была здоровая…

Вы славные ребятишки... Я часто слушал, как

вы разговаривали.

Все замолчали, потому что Головень, двинувшись на скамейке, сказал:

— Сегодня я твою суку пристрелю. — И потом добавил, поглядывая как-то странно: — А к тому же ты врешь, кажется. — И не сказал больше ничего, не избил даже.

— Возможно ли для всякой твари сей драгоценный медикамент?! — с негодованием вставил отец Перламутрий. — А поелику солгал, повинен дважды: на земли и на небеси. — При этом он поднял многозначительно большой палец, перевел взгляд с земляного пола на потолок и, убедившись в том, что слова его произвели должное впечатление, добавил, обращаясь к матери: — Так я, значит, на десяточек располагаю.

Вечером, выходя из дома, Димка обернулся и заметил, что у плетня стоит Головень и провожает его внимательным взглядом.

Он нарочно свернул к речке.

— Димка, а говорят про нашего-то на деревне, — огорошил его при встрече Жиган. — Тут, мол, он недалеко где-либо. Потому рубашка… а к тому же Семка старостин возле Горпининого забора книжку нашел, тоже кровяная. Я сам один листочек видел. Белый, а в углу буквы «Р.В.С.» и дальше

палочки, вроде как на часах.

Димке даже в голову шибануло.

— Жиган, — шопотом сказал он, хотя кругом никого не было, — надо, тово… ты не ходи туда прямо… лучше вокруг бегай. Как бы не заметили.

Предупредили Незнакомца.

— Что же, — сказал он, — будьте только осторожней, ребята. А если не поможет, ничего тогда не поделаешь… Не хотелось бы, правда, так нелепо пропадать…

— А если лепо?

— Нет такого слова, Димка. А если не задаром, тогда можно.

— И песня такая есть, — вставил Жиган. — Кабы не теперь, я спел бы, — хорошая песня. Повели коммуниста, а он им объясняет у стенки… Мы знаем, говорит, по какой причине боремся. Знаем, за что и умираем… Только ежели словами рассказывать, не выходит. А вот, когда солдаты на фронт уезжали, ну и пели… Уж на что железнодорожные, и те рты раскрыли, так тебя и забирает.

Домой возвращались поодиночке. Димка ушел раньше; он добросовестно направился к реке, а оттуда домой.

Между тем Жиган со свойственной ему бес-

печностью захватил у Незнакомца флягу, чтобы набрать воды, забыл об уговорах и пошел ближайшим путем — через огороды. Замечтавшись, он засвистел и оборвал сразу, когда услышал, как что-то хрустнуло возле кустов.

— Стой, дьявол! — крикнул кто-то. — Стой, собака!

Он испуганно шарахнулся, бросился в сторону, взметнулся на какой-то плетень и почувствовал, как кто-то крепко ухватил его за штанину. С отчаянным усилием он толкнул назад, повидимому, попав ногой кому-то в лицо. И, перевалившись через плетень на грядки с капустой, выпустив флягу из рук, он кинулся в темноту.

Димка вернулся, ничего не подозревая, и сразу же завалился спать. Не прошло и двадцати минут, как в хату с ругательствами ввалился Головень и сразу же закричал на мать:

— Пусть лучше твой дьяволенок и не ворочается вовсе… Ногой меня по лицу съездил… Убью, сукина сына.

— Когда съездил? — со страхом спросила мать.

— Когда? Сейчас только.

— Да он спит давно.

— А, чорт! Прибег, значит, только что. Каблуком по лицу стукнул, а она — спит! — И он распахнул

дверь, направляясь к Димке.

— Что ты! Что ты! — испуганно заговорила мать. — Каким каблуком? Да у него с весны и обувки нет никакой. Он же босый! Кто ему покупал?.. Ты спятил, что ли?

Но, повидимому, Головень тоже сообразил, что нету у Димки ботинок. Он остановился, выругался и вошел в избу.

— Гм… — промычал он, усаживаясь на лавку и бросая на стол флягу. — Ошибка вышла… Но кто же и где его скрывает? И рубашка, и листки, и фляга… — Потом помолчал и добавил: — А собаку-то вашу я убил все-таки.

— Как убил?! — переспросила еще неоправившаяся мать.

— Так. Бабахнул в башку, да и все тут.

И Димка, уткнувшись лицом в полушубок, зарывшись глубоко в поддевку, дергался всем телом и плакал беззвучно, но горько-горько. Когда утихло все, ушел на сеновал Головень, подошла к Димке мать и, заметив, что он всхлипывает, сказала, успокаивая:

— Ну, будет, Димушка. Стоит об собаке…

Но при этом напоминании перед глазами Димки еще яснее и ярче встал образ ласкового, помахивающего хвостом Шмеля, и еще с большей

силой он затрясся и еще крепче втиснул голову в намокшую от слез овчину.

— Эх ты! — проговорил Димка и не сказал больше ничего.

Но почувствовал Жиган в словах его такую горечь, такую обиду, что смутился окончательно.

— Разве ж я знал, Димка?

— «Знал»! А что я говорил?.. Долго ли было кругом обежать? А теперь что? Вот Головень седло налаживает, ехать куда-то хочет. А куда? Не иначе, как к Левке или еще к кому — даешь, мол, обыск!

Незнакомец тоже посмотрел на Жигана. Был в его взгляде только легкий укор, и сказал он мягко:

— Хорошие вы, ребята... — И даже не рассердился, как будто не о нем и речь шла.

— Стой, дьявол! — крикнул кто-то. — Стой,

собака!

Жиган стоял молча, глаза его не бегали, как всегда, по сторонам, ему не в чем было оправдываться, да и не хотелось. И он ответил хмуро и не на вопрос:

— А красные в городе. Нищий Авдей пришел. Много, говорит, и все больше на конях. — Потом он поднял глаза и сказал все тем же виноватым и негромким голосом: — Я попробовал бы… Может, проберусь как-нибудь… успею еще.

Удивился Димка. Удивился Незнакомец, заметив серьезно остановившиеся на нем большие и темные глаза мальчугана. И больше всего удивился откуда-то внезапно набравшейся решимости сам Жиган.

Так и решили. Торопливо вырвал Незнакомец листок из книжки. И пока он писал, увидел Димка в левом углу те же три загадочные буквы «Р.В.С.» и потом палочки, как на часах.

— Вот, — проговорил тот, подавая, — возьми, Жиган… ставлю аллюр, два креста. С этим значком каждый солдат хоть ночью, хоть когда, сразу же отдаст начальнику. Да не попадись, смотри.

— Ты не подкачай, — добавил Димка. — А то не берись вовсе… Дай я.

Но у Жигана уже снова заблестели глаза, и он

ответил с ноткой вернувшегося бахвальства:

— Знаю сам… Что мне впервой, что ли?

И, выскочивши из щели, он огляделся по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, пустился краем наперерез дороге.

Солнце стояло еще высоко над никольским лесом, когда выбежал на дорогу Жиган и когда мимо Жигана по той же дороге рысью промчался куда-то Головень.

Недалеко от опушки Жиган догнал подводы, нагруженные мукою и салом. На телегах сидело пять человек с винтовками. Подводы двигались потихоньку, а Жигану надо было торопиться, поэтому он свернул в кусты и пошел дальше не по дороге, а краем леса.

Попадались полянки, заросшие высокими желтыми цветами. В тени начинала жужжать мошкара. Проглядывали ягоды дикой малины. На ходу он оборвал одну, другую, но не остановился ни на минуту.

«Верст пять отмахал! — подумал он. — Хорошо бы дальше так же без задержки». Замедляли ходьбу сучья, и он вышел на дорогу.

Завернул за поворот и зажмурился. Прямо навстречу брызгали густые красноватые лучи заходящего солнца. С верхушки высокого клена

по-вечернему звонко пересвистнула какая-то пташка, и что-то затрепыхалось в листве кустов.

— Эй! — услышал он негромкий окрик.

Обернулся и не увидел никого.

— Эй, хлопец, поди сюда!

И он разглядел за небольшим стогом сена у края дороги двух человек с винтовками, кого-то поджидавших. В стороне у деревьев стояли их кони.

Подошел.

— Откуда ты идешь?.. Куда?

— Откуда… — И он, махнув рукой, запнулся, придумывая дальше. — С хутора я. Корова убегла… Может, повстречали где? Рыжая и рог у ей один спилен. Ей-богу, как провалилась, а без ее хоть не ворочайся.

— Не видели… Телка тут бродила какая-то, так ту наши еще в утро сожрали… А тебе не попались подводы какие?

— Едут какие-то… должно, рядом уже.

Последнее сообщение крайне заинтересовало спрашивающих, потому что они поспешно направились к коням.

— Забирайся! — крикнул один, подводя лошадей. — Сядешь ко мне на спину.

— Мне домой надо, у меня корова… — жалобно завопил Жиган. — Куда я поеду?..

— Забирайся куда говорят. Тут недалеко отпустим. А то ты еще сболтнешь и подводчикам.

Тщетно уверял Жиган, что у него корова, что ему домой и что он ни слова не скажет подводчикам, — ничего не помогало. И совершенно неожиданно для себя он очутился за спиной у одного из зеленых. Поехали рысью; в другое время это доставило бы ему только большое удовольствие. Но сейчас совсем нет, особенно когда он понял из нескольких брошенных слов, что подъедут они к отряду Левка, дожидающемуся чего-то в лесу. «А ну как Головень там, — мелькнула вдруг мысль, — да узнают сейчас, что тогда?» И, почти не раздумывая, под впечатлением обуявшего ужаса, он слетел кубарем с лошади и бросился с дороги.

— Куда, дьяволенок? — круто остановил лошадь и вскинул винтовку один.

Может быть, и не успел бы добежать до деревьев Жиган, если бы другой не схватил за руку товарища и не крикнул сердито:

— Стой, дурень... Не стреляй: все дело испортишь.

Не вбежал, а врезался в гущу леса Жиган. Напролом через гущу, наперескок через кусты, глубже и глубже. И только когда очутился по-

среди сплошной заросли осинника и сообразил, что никак не смогут проникнуть сюда конные, остановился перевести дух.

«Левко! — подумал он. — Не иначе, как к нему Головень. — И сразу же сжалось сердце. — Хоть бы не поспели до темноты: ночью все равно не найдут, а утром, может, красные»…

С оставленной им стороны грохнул выстрел, другой… и пошло.

«С обозниками, — догадался он. — Скорей надо, а тут на-ко: без пути».

Не вбежал, а врезался в гущу леса Жиган.

Но лес поредел вскоре, и под ногами у него снова очутилась дорога. Жиган вздохнул и бегом пустился дальше. Не прошло и двадцати минут, как рысью, прямо навстречу ему, вылетел торопившийся куда-то отряд. Не успел он опомниться, как очутился окруженным всадниками. Повел испуганными глазами. И чуть не упал со страха, увидав среди них Головня. Но то ли потому, что тот всего раз или два встречал Жигана, потому ли, что не ожидал наткнуться здесь на мальчугана, или, наконец, может быть, потому, что принялся подтягивать подпругу у плохонького, наспех наложенного седла, только Головень не обратил на него никакого внимания.

— Хлопец, — спросил его один, грузный и с большими седоватыми усами, — тебя куда дьявол несет?

— С хутора… — начал Жиган. — Корова у меня… черная и пятна на ей…

— Врешь! Тут и хутора никакого нет.

Испугался Жиган еще больше и ответил, запинаясь:

— Да не тут… А как стрелять начали, испугался я и убежал.

— Слышали? — перебил первый. — Я ж говорил, что где-то стреляют.

— Ей-богу, стреляли, — заговорил быстро, начиная о чем-то догадываться, Жиган, — на Никольской дороге. Там Козолупу мужики продукт везли. А Левкины ребята на них напали.

— Как напали?! — гневно заорал тот. — Как они смели, сукины дети!

— Ей-богу, напали… Сам слышал: чтоб, говорят, сдохнуть Козолупу… Жирно с него… и так обжирается, старый чорт..

— Слышали?!. — заревел зеленый. — Это я обжираюсь?

— Обжирается, — подтвердил Жиган, у которого язык заработал, как мельница. — Если, говорят, сунется он, мы напомним ему… Мне что? Это все ихние разговоры.

Прикрываясь не существовавшими разговорами, Жиган смог бы выпалить еще не один десяток обидных для достоинства Козолупа слов. Но тот и так был взбешен до крайности и потому рявкнул грозно:

— По коням!

— А с ним что? — спросил кто-то, указывая на Жигана.

— А всыпь ему раз плетью, чтобы не мог впредь такие слова слушать.

Ускакал отряд в одну сторону, а Жиган, получив

ни за что ни про что по спине, помчался в другую, радуясь, что еще так легко отделался.

«Сейчас схватятся, — подумал он на бегу. — А пока разберутся, глядишь — и ночь уже».

Миновали сумерки. Высыпали звезды, спустилась ночь… А Жиган то бежал, то шел, тяжело дыша, то изредка останавливался — перевести дух. Один раз, заслышав мерное бульканье, отыскал в темноте ручей и хлебнул, разгоряченный, несколько глотков холодной воды. Один раз шарахнулся испуганно, наткнувшись на сиротливо покривившийся придорожный крест. И понемногу отчаяние начало овладевать им. Бежишь, бежишь, и все конца нету. Может, и сбился давно. Хоть бы спросить у кого.

Но не у кого было спрашивать. Не попадались на пути ни крестьяне на ленивых волах, ни косари, приютившиеся возле костра, ни ребята с конями, ни запоздалые прохожие из города. Пуста и молчалива была темная дорога. И только соловей во-всю насвистывал, только он один не боялся и смеялся звонко над ночными страхами притихшей земли.

И вот, в то время, когда Жиган совсем потерял всякую надежду выйти хоть куда-либо, дорога разошлась на две. «Еще новое? Теперь-то по ка-

кой?» И он остановился.

Го-го… — донеслось до его слуха негромкое клокотанье. «Гуси!» чуть не вскрикнул он. И только сейчас разглядел почти что перед собою, за кустами, небольшой хутор.

Завыла отчаянно собака, точно к дому подходил не мальчуган, а медведь. Захрюкали потревоженные свиньи, и Жиган застучал в дверь.

— Эй! Эй! Отворите!

Сначала молчанье. Потом в хате послышался кашель, возня, и бабий голос проговорил негромко:

— Господи, кого ж еще-то несет?

— Отворите! — повторял Жиган.

Но не такое было время, чтобы в полночь отворять всякому. И чей-то хриплый бас вопросил спросонок:

— Кто там?

— Откройте. Это я, Жиган.

— Какой еще, к чорту, Жиган? Вот я тебе из берданки пальну через дверь!

Жиган откатился сразу в сторону и, сообразив свою оплошность, завопил:

— Не Жиган! Не Жиган… Это прозвище такое. Васькой зовут… Я ж еще малый… А мне дорогу б спросить, какая в город.

— Что с краю, та в город, а другая в Поддубовку.

— Так они ж обе с краю!.. Разве через дверь поймешь!

Очевидно раздумывая, помолчали немного за дверью.

— Так иди к окошку, оттуда покажу. А пустить… не-ет! Мало что маленький. Может, за тобою здоровый битюг сидит.

Окошко открылось, и дорогу Жигану показали.

— Тут недалече, с версту всего. Сразу за опушкой.

— Только-то!

И, окрыленный надеждой, Жиган снова пустился бегом.

На кривых уличках его сразу же остановил патруль и показал штаб. Сонный красноармеец ответил нехотя:

— Какую еще записку! Приходи утром. — Но, заметив крестики спешного аллюра, бумажку взял и позвал:

— Эй, там!.. Где дежурный?

Жиган повел испуганными глазами и чуть не упал со страха, увидав Головня.

Дежурный посмотрел на Жигана, развернул записку и, заметив в левом углу все те же три загадочных буквы: «Р. В. С.», сразу же подвинул огонь. И только прочитал — к телефону: «Командира!.. Комиссара!» — а сам торопливо заходил по комнате.

Вошли двое.

— Не может быть! — удивленно крикнул один.

— Он!.. Конечно он! — радостно перебил другой. — Его подпись, его бланк. Кто привез?

И только сейчас взоры всех обратились на притихшего в углу Жигана.

— Какой он?

— Черный… в сапогах… и звезда у его прилеплена, а из нее красный флажок.

— Ну да, да, орден!

— Только скорей бы, — добавил Жиган: — светать скоро будет… А тогда бандиты… убьют, коли найдут.

И что тут поднялось только! Забегали, зарвались все, зазвонили телефоны, затопали кони. И среди всей этой суматохи разобрал утомленный Жиган несколько раз повторявшиеся слова: «Конечно, армия!.. Он!.. Реввоенсовет!»

Затрубила быстро-быстро труба, и от лошадиного топота задрожали стекла.

— Где? — порывисто распахнув дверь, вошел вооруженный маузером и шашкой командир. — Это ты, мальчуган?.. Васильченко, с собой его, на коня…

Не успел Жиган опомниться, как кто-то сильными руками поднял его от земли, усаживая на лошадь. И снова заиграла труба.

— Скорей! — повелительно крикнул кто-то с крыльца. — Вы должны успеть!

— Даешь! — ответили эхом десятки голосов с коней.

Потом:

— А-аррш!

И сразу, сорвавшись с места, врезался в темноту конный отряд.

А Незнакомец и Димка с тревогой ожидали и чутко прислушивались к тому, что делается вокруг.

— Уходи лучше домой, — несколько раз предлагал Незнакомец Димке.

Но на того словно упрямство какое нашло.

— Нет, — мотал он головой, — не пойду.

Выбрался из щели, разворошил солому, забросал ею входное отверстие и протискался обратно.

Сидел молча: было не до разговоров. Один раз

только проговорил Димка, и то нерешительно:

— Я мамке сказал: может, говорю, к батьке скоро поедем; так она чуть не поперхнулась, а потом давай ругать: «Что ты языком только напрасно треплешь!»

— Поедешь, поедешь, Димка. Только бы…

Но Димка сам чувствует, какое большое и страшное это «только бы», и потому он притих у соломы, о чем-то раздумывая.

Наступал вечер. В пустом сарае резче и резче поглядывала темная пустота осевших углов. И расплывались в ней незаметно остатки пробивающегося сквозь щели света.

— Слушай!

Димка задрожал даже.

— Слышу!

И Незнакомец крепко сжал его за плечо.

— Но кто это?

За деревней, в поле, захлопали выстрелы, частые, беспорядочные. И ветер донес их сюда беззвучными хлопками игрушечных пушек.

— Может, красные?

— Нет, нет, Димка! Красным рано еще.

Все смолкло. Прошел еще час. И топот и крики, наполнившие деревеньку, донесли до сараев тревожную весть о том, что кто-то уже здесь, рядом.

Голоса то приближались, то удалялись, но вот послышались близко-близко.

— И по погребам? И по клуням? — спросил чей-то резкий голос.

— Везде, — ответил другой. — Только сдается мне, что скорей здесь где-нибудь.

— Головень! — узнал Димка, а Незнакомец потянул руку, и чуть заблестел в темноте холодновато-спокойный наган.

— Темно, пес их возьми! Проканителились из-за Левки сколько!

— Темно! — повторил кто-то. — Тут и шею себе сломишь. Я полез было в один сарай, а на меня доски сверху… чуть не в башку.

— А место такое подходящее. Не оставить ли вокруг с пяток ребят до рассвета?

— Оставить.

Чуть-чуть отлегло. Пробудилась надежда. Сквозь одну из щелей видно было, как вспыхнул недалеко костер. Почти что к самой заваленной двери подошла лошадь и нехотя пожевала клок соломы.

Рассвет не приходил долго… Задрожала наконец зарница, помутнели звезды.

Скоро и обыск. Не успел или не пробрался вовсе Жиган.

— Димка, — шопотом проговорил Незнакомец, — скоро будут искать. В той стороне, где обвалились ворота, есть небольшое отверстие возле земли. Ты маленький и пролезешь… Ползи туда.

— А ты?

Затрубила быстро-быстро труба, и от лоша-

диного топота задрожали стекла.

— А я тут… Под кирпичами, ты знаешь где, я спрятал сумку, печать и записку про тебя… Отдай красным, когда бы ни пришли. Ну, уползай скорей. — И Незнакомец крепко, как большому, пожал ему руку и оттолкнул тихонько от себя.

А у Димки слезы подступили к горлу. И было ему страшно, и было ему жалко оставлять одного Незнакомца. И, закусив губу, глотая слезы, он пополз, спотыкаясь о разбросанные остатки кирпичей.

Тара-та-тах! — прорезало вдруг воздух. — Тара-та-тах! Бабах!.. Тиу-у, тиу-у… — взвизгнуло над сараями.

И крики, и топот, и зазвеневшее эхо от разряженных обойм «льюисов» — все это так внезапно врезалось, разбило предрассветную тишину и вместе с ней и долгое ожидание, что не запомнил и сам Димка, как очутился он опять возле Незнакомца. И, не будучи более в силах сдерживаться, заплакал громко-громко.

— Чего ты, глупый? — радостно спросил тот.

— Да ведь это же они… — отвечал Димка, улыбаясь, но не переставая плакать.

И еще не смолкли выстрелы за деревней, еще кричали где-то, как затопали лошади около сара-

ев. И знакомый задорный голос завопил:

— Сюда! Зде-есь! Куда вы, черти?

Отлетели снопы в сторону. Ворвался свет в щель. И кто-то спросил тревожно и торопливо:

— Вы здесь, товарищ Сергеев?

И народу кругом сколько появилось вокруг откуда-то — и командир, и комиссар, и красноармейцы, и фельдшер с сумкой. И все гоготали и кричали что-то совсем несуразное.

— Димка! — захлебываясь от гордости, торопился рассказать Жиган. — Я успел… назад на коне летел… И сейчас с зелеными тоже схватился… в самую гущу… Как рубанул одного по башке, так тот и свалился!..

— Ты врешь, Жиган. Обязательно врешь… У тебя и сабли-то нету, — ответил Димка и смеялся сквозь невысохшие еще слезы.

Весь день было весело.

Димка вертелся повсюду. И все ребятишки дивились на него здорово и целыми ватагами ходили смотреть, где прятался беглец, так что к вечеру, как после стада коров, намята и утоптана была солома возле логова.

Должно быть, большим начальником был недавний пленник, потому что слушались его и командиры и красноармейцы.

Написал он Димке всякие бумаги, и на каждую бумагу печать поставили, чтобы не было никакой задержки ни ему, ни матери, ни Топу до самого города Петрограда.

А Жиган среди бойцов чортом ходил и песни такие заворачивал, что только — ну! И хохотали над ним красноармейцы и тоже дивились на его глотку.

— Жиган! А ты теперь куда?

Остановился на минуту Жиган, как будто легкая тень пробежала по его маленькому лицу; потом головой тряхнул отчаянно:

— Я, брат, фьи-ить! Даешь по станциям, по эшелонам. Я сейчас новую песню у них перенял:

Ночь прошла в полевом лазарети;
День весенний и яркий настал.
И при солнечном, теплом рассве-ти
Маладой командир умирал…

Хоро-ошая! песня! Я спел — гляжу: у старой Горпины слезы катятся. «Чего ты, говорю, бабка?» — «Та умирал же!» — «Э, бабка, дак ведь это в песне». — «А когда б только в песне, — говорит. — А сколько ж и взаправду». Вот в эшелонах только, — добавил он, запнувшись немного, — некоторые из товарищей не доверя-

ют. «Катись, — говорят, — колбасой. Может, ты шантрапа или шарлыган. Украдешь чего-либо». Вот кабы и мне бумагу!

— А давайте напишем ему в самом деле, — предложил кто-то.

— Напишем, напишем!

И написали ему, что «есть он, Жиган, — не шантрапа и не шарлыган, а элемент, на факте доказавший свою революционность», а потому «оказывать ему, Жигану, содействие в пении советских песен по всем станциям, поездам и эшелонам».

И много ребят подписалось под той бумагой — целые пол-листа да еще на обратной. Даже рябой Пантюшкин, тот, который еще только на прошлой неделе писать научился, вычертил всю фамилию до буквы.

А потом понесли к комиссару, чтобы дал печать. Прочитал комиссар.

— Нельзя, — говорит, — на такую бумагу полковую.

— Как же нельзя? Что, от ней убудет, что ли?

— Приложите, пожалуйста. Что же, даром, что ли, старался малый?

Улыбнулся комиссар.

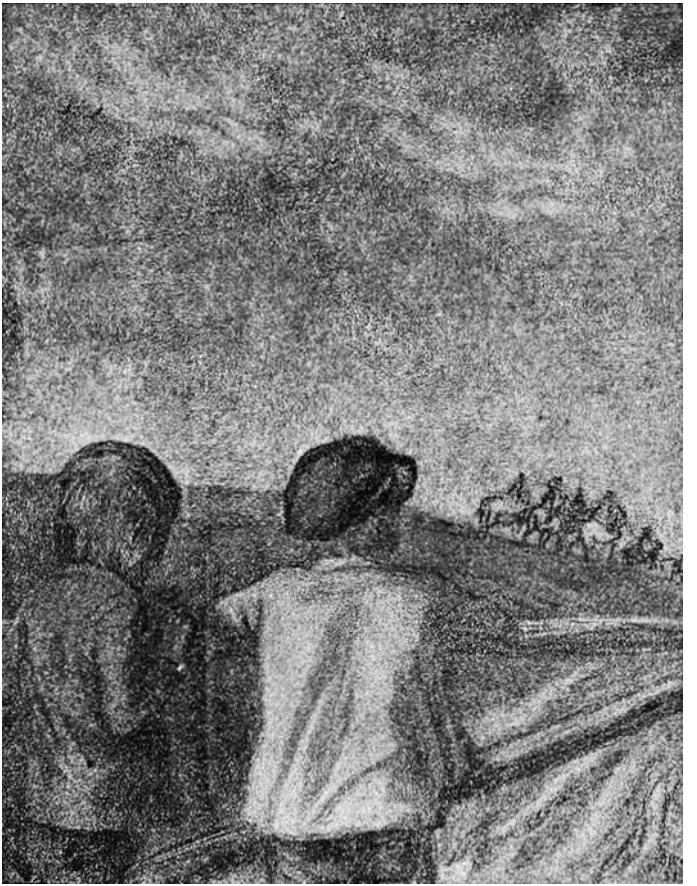
— Этот самый с Сергеевым?

— Он, язви его шельма.

— Ну уж в виде исключения... — И тиснул по бумаге.

Сразу же на ней РСФСР, серп и молот — документ.

И такой это вечер был, что давно не запомнили поселяне. Уж чего там говорить, что звезды, как начищенные кирпичом, блестели! Или как ветер густым настоем отцветающей гречихи пропитал все. А на улицах что делалось! Высыпали как есть все за ворота. Смеялись красноармейцы задорно, визжали дивчата звонко. А лекпом Придорожный, усевшись на митинговых бревнах перед обступившей его кучкой, наигрывал на двухрядке.



Вот отряд взметнулся на последнюю горку

возле никольского оврага...

Ночь спускалась тихо-тихо; зажглись огоньками разбросанные домики. Ушли старики, ребятишки. Но долго еще по залитым лунным светом уличкам смеялась молодежь. И долго еще наигрывала искусно лекпомова гармоника и спорили с ней переливчатыми посвистами соловьи из соседней прохладной рощи.

А на другой день уезжал Незнакомец. Жиган и Димка провожали его до поскотины. Возле покосившейся загородки он остановился. Остановился за ним и весь отряд. И перед всеми солдатами Незнакомец крепко пожал руки ребятишкам.

— Может быть, когда-нибудь я тебя увижу в Петрограде, — проговорил он, обращаясь к Димке. — А тебя... — И он запнулся немного.

— Может, где-нибудь, — неуверенно ответил Жиган.

Ветер чуть-чуть шевелил волосы на его лохматой головенке. Худенькие руки крепко держались за перекладины, а большие, глубокие глаза уставились вдаль, перед собой.

По дороге чуть заметной точкой виднелся еще отряд. Вот он взметнулся на последнюю горку возле никольского оврага... скрылся. Улеглось облачко пыли, поднятое копытами над гребнем

холма. Проглянуло сквозь него поле под гречихой, и на нем — больше никого.

Государственное издательство детской литературы Москва, Б. Черкасский пер., д. № 7.

А. ГАЙДАР
Четвертый блиндаж
Рис. П. Алякринского
Изд. 3-е. 1935 Стр. 36. Ц. 50 к.

Л. ПАНТЕЛЕЕВ
Пакет
Рис. Н. Тырсы
Изд. 3-е. 1935 Стр. 92. Ц. 70 к.

А. ФАДЕЕВ
Метелица
Рис. Дехтерева
Изд. 3-е. 1935 Стр. 32. Ц. 60 к.
Печатается 3-е издание

К. ЧУКОВСКИЙ
Солнечная
Рис. Т. Мавриной
Изд. 3-е. 1934 Стр. 102. Ц. 1 р. 10 к., пер 60 к.
Требуйте во всех магазинах КОГИЗ'а

ЦЕНА 1 Р.
ПЕРЕПЛ. 75 К.

90=

